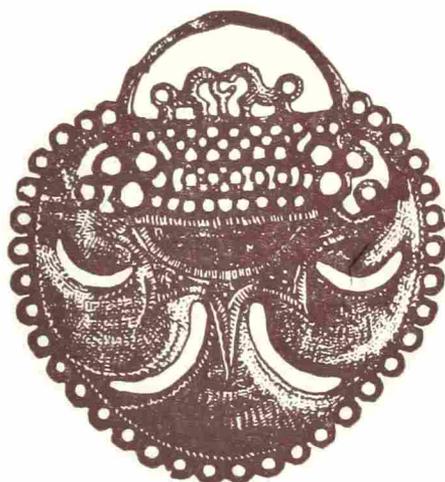

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4
1977

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ХОРЕЗМА

(К 40-летию Хорезмской экспедиции)

Исследование многотысячелетней истории народов Средней Азии и их многонациональной культуры, уходящей своими корнями в далекое прошлое,— одно из крупнейших достижений советской археологической науки. Блестящее открытие древнеземледельческой цивилизации в Южной Туркмении и Южном Узбекистане с древнейшими протогородскими центрами эпохи развитой и поздней бронзы, открытие монументальной архитектуры и памятников изобразительного искусства античного и раннесредневекового времени на территории Туркмении, Узбекистана и Таджикистана — это лишь часть той огромной работы, которая ведется особенно интенсивно в послевоенное время силами специалистов из союзных и республиканских научных учреждений. Однако основы успехов среднеазиатской археологии и переживаемого ею расцвета заложены значительно раньше, еще в середине 30-х годов, когда организовались такие экспедиции, как Термезская, Семиреченская, Ферганская, Нижнезеравшанская, перед которыми стояли задачи получения новых источников для воссоздания истории народов Средней Азии, для решения сложных проблем истории социального

С. П. Толстов
(1907—1976)

строения народов Востока и, в частности, общественного строя народов домусульманской Средней Азии. Тогда и позднее исследования в Средней Азии возглавляли и принимали в них участие такие крупные ученые, как А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, Я. Г. Гулямов, Г. Ф. Дебед, М. М. Дьяконов, Б. А. Куфтин, М. Е. Массон, А. П. Окладников, А. И. Тереножкин, В. А. Шишкин, А. Ю. Якубовский и др.

Большинство из них принадлежали к поколению, юность и формирование мировоззрения которого проходили в первые послереволюционные годы и годы первых пятилеток. Именно это время дало нам ту блестящую плеяду больших ученых и организаторов науки, одним из представителей которой был организатор и руководитель еще одной экспедиции тех лет, Хорезмской, Сергей Павлович Толстов (1907—1976). Он скончался в Москве 28 декабря 1976 года.

С. П. Толстов родился 25 января 1907 г. в Петербурге в семье военного. Среднее образование получил в Москве. В 1930 г. он окончил Московский государственный университет, где учился на физико-математическом и историко-этнологическом факультетах. Именно тогда началась деятельность С. П. Толстова — этнографа, последователя анучинской школы, приверженца комплексных методов исследования. В 1934 г. С. П. Толстов окончил аспирантуру ГАИМК по специальности история и археология Средней Азии. В 1929—1936 гг. он — сотрудник Музея народов СССР, ученый секретарь, а потом заведующий Московским отделением ИИМК АН СССР. Тогда же С. П. Толстов начал педагогическую деятельность, много лет был профессором МГУ, заведующим кафедрой этнографии.

В 1943—1945 гг. он был деканом исторического факультета МГУ. Как только началась Великая Отечественная война, С. П. Толстов вступил в ряды народного ополчения, участвовал в боях под Ельней и Можайском, был ранен в бою за станцию Шалимово. После демобилизации он вновь работает в АН СССР и в 1942 г. назначается директором Института этнографии АН СССР. На этом посту Сергей Павлович проработал 25 лет, совмещая эту работу с деятельностью в качестве ученого секретаря Президиума АН СССР (1949—1954 гг.). В 1944 г. С. П. Толстов вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Отдавая много сил и времени научно-организационной работе, Сергей Павлович необычайно плодотворно работал и как ученый-исследователь. Его перу принадлежит более 300 работ, освещающих различные вопросы общей этнографии, истории, археологии и этнографии Средней Азии и многие общие вопросы востоковедения. Крупнейшие из них — монография «Древний Хорезм» (1948 г.), за которую С. П. Толстову была присуждена Государственная премия; «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948 г.), полностью переведенная в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, сокращенно — во Франции, в виде пересказа — в Японии; «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962 г.). Научная деятельность С. П. Толстова была высоко оценена в нашей стране и за рубежом. Сергей Павлович был удостоен звания заслуженного деятеля науки и техники Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР. В 1956 г. его избрали почетным членом АН Узбекской ССР. Признанием научных заслуг С. П. Толстова было избрание его членом-корреспондентом АН ГДР, Почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического общества, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии, членом-корреспондентом школы восточных и африканских исследований Лондонского университета.

Но все это было потом, а в 1929 г., впервые попав в Хорезм как этнограф, С. П. Толстов понял, что отныне он навсегда связан с этой своеобразной областью Средней Азии, «Среднеазиатским Египтом», как он ее назвал¹.

В 1937 г. под руководством С. П. Толстова начала работы Хорезмская экспедиция, исследования которой открыли для науки реальный Хорезм Геродота, Страбона, Бируни, Макдиси, Истахри, Якута и принесли ему, автору и вдохновителю крупнейших открытий на землях древнего Хорезма, мировую славу.

Этот древний оазис в низовьях Амударьи благодаря специфическим климатическим условиям превратился в естественный музей под открытым небом, поражающий воображение каждого попадающего туда впервые. «... Повсюду среди застывших волн барханов, то густыми скоплениями, то одиночными островками лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов. Биноколь, распрямля кругозор, открывал все новые и новые руины, то казавшиеся совсем близкими, так что можно было видеть стены, ворота и башни, то отдаленные, рисующиеся нечеткими силуэтами... Мы были у ворот древнего Хорезма, на пороге пути в неизведанное прошлое»².

Таким увидел древний Хорезм С. П. Толстов 40 лет назад, таким, только уже на значительно меньшей площади благодаря интенсивному новому освоению земель древнего орошения, можно увидеть его сейчас. Но хотя подымающиеся среди зелени полей и садов развалины крепостей и замков находятся сейчас на фоне естественного природного ландшафта,

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 8.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 20.

шафта, близкого к древнему, они не так впечатляют, как те, что стояли среди песков как «величественный памятник трагической борьбы человека и пустыни»³. Понять движущие силы тех процессов, которые в отдельные периоды истории Хорезмского оазиса приводили к торжеству природы над человеком, дать периодизацию истории Хорезма, попытаться ответить на вопрос об общественном строе древних хорезмийцев — вот те задачи, которые поставила перед собой Хорезмская экспедиция в начале своего пути.

Первые итоги четырех довоенных лет были подведены С. П. Толстым в книге «Древний Хорезм», написанной ярко и увлеченно, с присущими ему широтой взглядов, свежестью мысли и удивительной научной интуицией. Достаточно сказать, что в итоге четырех лет работы, подчас на скудном, по нынешним меркам, археологическом материале, но с использованием всех остальных видов исторических источников была дана периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья. Именно тогда были открыты кельтеминарская, тазабагыбская и амирабадская культуры, легшие в основу периодизации первобытной истории населения Хорезмского оазиса и с некоторыми коррективами продолжающие оставаться основой этой периодизации и теперь. Именно в этой книге первостепенное внимание было уделено истории хорезмийской ирригации — основе основ хозяйства и жизни населения не только Хорезма, но и Средней Азии в целом.

Изучение и картографирование античной, раннесредневековой и средневековой ирригационной сети, следы которой в виде крупных магистральных каналов и арычной сети сохранились до наших дней, позволили С. П. Толстому уже тогда сделать ряд важных выводов. К их числу относится заключение о том, что развитие ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе в значительной мере способствовало превращению Хорезма в античное время в государственное образование с централизованной властью. Изучение ирригационной сети позволило С. П. Толстому ответить на вопрос о причинах запустения Хорезмского оазиса в тот или иной исторический период, опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии. Оказалось, что историческая динамика оросительных систем определяется прежде всего социальными факторами, а не природными, что упадок искусственного орошения и запустение цветущих оазисов обусловлены социальными и политическими причинами — опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности, феодальными усобицами. И именно переживаемый обществом кризис способствовал временному торжеству природных факторов, запустению культурных земель, наступлению пустыни. Это направление исследований Хорезмской экспедиции, задуманное и начатое С. П. Толстым еще до войны, было впоследствии на совещаниях по археологии и этнографии Средней Азии признано одним из важнейших⁴.

В книге «Древний Хорезм» С. П. Толстым были собраны и систематизированы данные, послужившие основой для тезиса о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время. Следует сказать, что помимо указанных в книге затронут огромный круг вопросов по истории Хорезма и Средней Азии в целом. В экскурсах книги, каждый из которых является самостоятельным исследованием, рассмотрены вопросы о пережитках родовой организации в древней и средневековой Средней Азии, истории хорезмийского вооружения, падения греко-бактрийского царства, классовой борьбы в Согдиане в VI в. н. э. и др. Самостоятельное значение имеет в этом труде анализ явлений религиозной идеологии. Он вылился во всестороннее и глубокое исследо-

³ Там же.

⁴ См., например: Материалы первого совещания археологов и этнографов Средней Азии. КСИЭ АН СССР, XXVI, 1957, стр. 3—15.

вание эволюции средне- и переднеазиатских религий и религиозных течений, начиная с наиболее ранних ее стадий, связанных с дуальной организацией и тотемизмом. Сейчас, через 30 лет, можно сказать, что «Древний Хорезм» выдержал испытание временем, а некоторые спорные его страницы тоже можно отнести к заслуге автора, ибо они по-прежнему будят мысль и свидетельствуют о том непрестанном творческом поиске, который отличал С. П. Толстова-исследователя.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции по инициативе и под руководством С. П. Толстова приобрели большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций нашей страны.

Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С. П. Толстов реорганизует экспедицию в комплексную археолого-этнографическую. Это было продиктовано, с одной стороны, стремлением использовать этнографические исследования для наиболее полного воссоздания этнической истории и истории культуры тех народов, которые населяют сейчас Хорезмский оазис, с другой — желанием поставить результаты научных изысканий экспедиции на службу социалистическому строительству. Участие в работах экспедиции, помимо археологов и этнографов, географов, геоморфологов, почвоведов, антропологов значительно расширило рамки исследований и углубило их. С. П. Толстовым впервые в мировой археологической практике в специальных целях и в широком масштабе были применены аэрометоды: визуальная авиаразведка, перспективная и плановая аэрофотосъемка, аэрофотограмметрия, археологические авиадесанты для изучения затерянных в песках памятников (так, например, была первоначально обследована Кой-Крылган-кала), дешифрирование на местности на больших площадях данных аэрофотосъемки. С. П. Толстов, с его большим научным, педагогическим и организаторским талантом и самоотверженной преданностью науке, сумел объединить вокруг себя большое число археологов и этнографов, подготовив из них квалифицированных специалистов по разным разделам археологической и этнографической науки, обеспечив, таким образом, возможность ведения работ в широких тематических и хронологических рамках.

После всех этих преобразований расширился не только и не столько круг проблем, стоявших перед Хорезмской экспедицией, сколько увеличилось число возможных аспектов их решения. Перед экспедицией стояла задача изучения общественного строя населения земледельческих оазисов Средней Азии, истории хорезмийской ирригации, но теперь они решаются по-новому, на основе значительного расширения территории и объема исследований, с помощью комплексных методов. В научных планах экспедиции большое место занимает теперь проблема истории кочевников и полукочевников, их взаимоотношений с населением оазисов, их исторической роли в экономической и культурной жизни страны. Очень важный аспект, являющийся сквозным для всех исследуемых эпох, — этногенетический.

На новой методологической основе и с привлечением широкого круга специалистов были осуществлены комплексные археолого-географические исследования древних русел Амударья и Сырдарья, значение которых трудно переоценить⁵. Они продолжаются и поныне и имеют большое научное и практическое значение. В условиях аридной зоны существование человека зависело в первую очередь и главным образом от источников воды, а потому расселение людей в этих условиях зависело от степени обводненности той или иной территории. Таким образом, изучение древней гидрографической сети и расположенных в зоне ее действия

⁵ См.: Низовья Амударья, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ, 3, 1960; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

исторических памятников позволило воссоздать историю древнего населения Южного Приаралья от эпохи неолита до позднего средневековья. Обилие неолитических стоянок на берегах Узбоя, южных заливов Сарыкамыш, на южном берегу Присарыкамышской дельты и в Южной Акчадарьинской дельте — прямые свидетельства обводнения этих территорий. Основной сток вод Амударьи шел по Узбою в Каспий. В то же время была обводнена и заболочена вследствие отсутствия стока в Арал Южная Акчадарьинская дельта. Там, наряду с раскопанной С. П. Толстовым неолитической стоянкой Джанбас 4, ставшей своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии⁶, были обнаружены сотни стоянок этого и более позднего времени⁷. В последние годы в непосредственной близости от стоянки Джанбас 4 была открыта неразвезанная неолитическая стоянка, названная «стоянка Толстова» (Джанбас-31). Раскопками выявлены остатки сгоревшего наземного жилища, подобного дому на стоянке Джанбас-4, имеющего каркасно-столбовую конструкцию и кровлю, покрытую связками камыша и древесной корой. Культурный слой содержит кремневый и костяной инвентарь, керамику (в том числе ладьевидные сосуды), позволяющие относить эту стоянку к числу ранних кельтеминарских памятников. По-видимому, после завершения раскопок и анализа полученных материалов этот памятник сможет послужить отправным моментом при датировке большого круга неолитических памятников Средней Азии. Сейчас в низовьях Амударьи памятников старше IV тысячелетия до н. э. не обнаружено. В то же время исследованиями экспедиции во Внутренних Кызылкумах, на древних северных протоках Зеравшана и в районах бессточных впадин, выявлено множество стоянок, причем некоторые из них датируются VI тысячелетием до н. э. Стоянки IV—III тысячелетий до н. э. в низовьях Амударьи, Зеравшана и во Внутренних Кызылкумах (Лявляканские озера), судя по сходству кремневого инвентаря и керамики, входили в единую кельтеминарскую этнокультурную общность⁸.

В начале II тысячелетия до н. э. направление стока вод Амударьи меняется — река поворачивает в Арал. Присарыкамышская дельта и Узбой начинают усыхать, зато Акчадарьинская сильно обводняется и лишь к середине II тысячелетия до н. э. фиксируются следы интенсивного освоения этой дельты человеком, связанного с процессом ее постепенного дренирования. На территории Акчадарьинской дельты расселяются тазабагъябские племена, культура которых в середине II тысячелетия до н. э. сформировалась в результате смешения культуры пришлого срубно-андоновского населения из степей Южного Приуралья с местной, суярганской. Большим событием явилось открытие экспедицией «заповедника» тазабагъябских поселений с сохранившимися остатками жилищ — полуземлянок в Южной Акчадарьинской дельте⁹ и могильника этой культуры¹⁰. Еще большее значение имеет открытие в районе этих поселений следов древней ирригационной сети, питавшейся водами затухающих дельтовых протоков, и полей¹¹.

Эти системы датируются серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. и являются древнейшими для северных районов Средней

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 59 сл.

⁷ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, 8, 1967.

⁸ А. В. Виноградов. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 31 сл.; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. МХЭ, 10, 1975.

⁹ М. А. Игина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). ТХЭ, т. X, 1977.

¹⁰ Могильник бронзового века Кокча-3. МХЭ, 5, 1961.

¹¹ Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; М. А. Игина. Древнехорезмийские земледельцы. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 75 сл.

Азии. Высокий уровень их развития заставляет думать, что переход к производящему хозяйству произошел в Хорезмском оазисе значительно раньше. Весь облик материальной культуры древних тазабагъябцев включает их в ареал культур степной бронзы Евразии, однако развитие орошаемого земледелия на плодородных аллювиальных почвах дельты все же выделяет их из среды этих племен. По типу хозяйства — это земледельцы-скотоводы, а не преимущественно скотоводы, как срубные и андроновские племена. С другой стороны, развитие орошаемого земледелия — свидетельство прямого воздействия южных земледельческих цивилизаций на их северную периферию, проявляющееся не только в культурных заимствованиях, но и в проникновении отдельных групп населения. Эти южные импульсы фиксировались и для более раннего времени, сейчас они проявляются, в частности, и в появлении импортных вещей (керамика типа Намазга VI, литейная форма для отливки булавки с волотами). Таким образом, Южное Приаралье оказывается втянутым и в сферу северных (срубно-андроновских), и южных связей, являясь в то же время в этот период, и особенно позднее, посредником в передаче элементов южной культуры на север. Местный, суярганский, компонент здесь довольно явно проявляется в культуре поздней бронзы — амирабадской (X—VIII вв. до н. э.)¹², также не свободной от южных влияний. Поразительным феноменом, непосредственно документирующим проникновение элементов южной земледельческой культуры на север, является некрополь того же времени — Северный Тагискен, открытый Хорезмской экспедицией в низовьях Сырдарьи¹³. Сырцовая архитектура его мавзолеев, гончарная посуда при множестве постандроновских признаков в погребальном инвентаре и наличии в нем амирабадской посуды, своеобразная планировка этих сооружений, сочетающая местную традицию эпохи бронзы с привнесенной с юга, — все эти факторы не позволяют решать вопрос о происхождении этого памятника однозначно и рассматривать его, при безусловном наличии черт сходства, как вариант дындыбай-бегазинской культуры Центрального Казахстана. До той поры, пока не будут обнаружены поселения тех, кто хоронил своих покойников в мавзолеях Северного Тагискена, вопрос о культурной принадлежности этого памятника в значительной мере остается открытым.

Установленная работами последних лет возможность обводнения системы русел южнее современной Сырдарьи — Ескидарьялык (Пра-Кувандарья) с эпохи неолита открывает перспективу исследований в этом направлении. На рубеже нашей эры в бассейне Ескидарьялыка расцветает Джетыасарский оазис, памятники которого дают керамику, напоминающую тагискенскую¹⁴. Находка в культурных отложениях городища Джеты-асар 2, раскопки которого еще не доведены до материка, двудырчатого рогового псаля, датирующегося не позднее V—IV вв. до н.э., с одной стороны, заставляет вспомнить гипотетически предложенную С. П. Толстовым нижнюю дату джетыасарских комплексов — вторая половина I тысячелетия до н. э.¹⁵, с другой — позволяет надеяться, что нижний слой Джеты-асар 2 может дать тагискенский комплекс эпохи поздней бронзы. Одним из доводов в пользу такой возможности служит и вероятная обводненность Ескидарьялыка в эпоху первобытности, ибо тагискенские поселения, так же как и все поселения эпохи бронзы низовий Амударьи и Сырдарьи, несомненно должны были быть привязаны к воде.

¹² М. А. Итина. История степных племен..., стр. 147 сл.

¹³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 81 сл.

¹⁴ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 134, рис. 34; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии до н. э. ТХЭ, т. VII. 1971, стр. 64—67.

¹⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 135.

Исследование сырдарьинских русел сочеталось с изучением истории племен, населявших степи к востоку и северо-востоку от Хорезмского оазиса, в нижнем течении Сырдарьи. Эти работы велись в плане решения одной из крупных исторических проблем, поставленных С. П. Толстовым, — истории кочевых и полукочевых племен, территория которых граничила с земледельческими оазисами, истории контактов между населением оазисов и их кочевой периферии. С. П. Толстов всегда подчеркивал экономическую основу и связанную с этим необходимость таких контактов для древнего населения. Сейчас они фиксируются для оседлоземледельческого населения оазисов и подвижного полукочевого населения прилегающей пустыни уже в эпоху поздней бронзы, в конце II тысячелетия до н. э. (низовья Амударьи, Мургаб). В низовьях Сырдарьи была открыта обширная территория расселения сакских племен, существование которых было связано с периодом обводнения одного из молодых сырдарьинских русел — Жанадарьи¹⁶. Погребальные памятники саков низовьев Сырдарьи, среди которых есть ранние, датируемые VII—VI вв. до н. э. (Южный Тагискен, Уйгарак), их укрепленные оседлые поселения (IV—II вв. до н. э.), наличие ирригационного земледелия наряду с развитым скотоводством, значительное развитие ремесел показали, что перед нами отнюдь не кочевники, как принято было считать, а народ, принадлежавший к хозяйственно-культурному типу полуседлых скотоводов-земледельцев. Эта специфика исторического развития приаральских саков связана не только с особенностями развития хозяйства на дельтовых аллювиальных равнинах, но и с весьма ощутимым воздействием хозяйства и культуры Хорезмского оазиса.

Очень важный цикл работ, проведенный тоже в свете проблемы взаимодействия земледельческого населения оазиса и скотоводов его пустынной периферии, был осуществлен в последние годы в Присарыкамышской дельте Амударьи. Здесь была открыта новая куюсайская культура, представленная поселениями и могильниками, датирующаяся VII—IV вв. до н. э.¹⁷. Поселение Куюсай-2, расположенное на одном из дельтовых протоков в южной части дельты, и курганы на близлежащей возвышенности Тумек-Кичиджик демонстрируют ранний этап развития культуры. Ее своеобразие заключается в том, что на раннем этапе в ней отчетливо прослеживаются два компонента: южный, представленный импортной гончарной посудой из юго-западных и южных районов Средней Азии, и северный, сакский в широком смысле этого слова, по-видимому, местный. Не исключено, что южная струя в куюсайской культуре своим происхождением обязана не культурным влияниям, а прямой инфильтрации отдельных групп населения. Степная струя в культуре куюсайцев проявляется не только в отдельных типах лепной посуды, но и в деталях погребального обряда. Это захоронения в грунтовых ямах, вытянутых широтно, под курганами, причем ямы обычно перекрыты настилом из камыша, нередко покрывающим и древнюю дневную поверхность вокруг ямы. Это, равно как и наличие погребений в постройках типа шалаша на древнем горизонте, заставляет нас вспомнить сакский погребальный ритуал. Взаимопроникновение этих двух начал, видимо, и проявилось в наличии наземных жилищ каркасной конструкции и землянок на поселении Куюсай-2, в культурном слое которых содержится местная леп-

¹⁶ О сакских памятниках на Жанадарье см.: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 136 сл.; О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). ТХЭ, т. VIII, 1973; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). СА, 1966, 2, стр. 151 сл.; О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 197 сл.

¹⁷ Б. И. Вайнберг. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 3. Л., 1975, стр. 42 сл.; *еже*. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении. «Каракумские древности», вып. V. Ашхабад, 1977, стр. 25 сл.

ная и южная гончарная керамика, в отсутствии в погребениях оружия, столь характерного для степных культур сакского круга, наконец, в скотоводческом полуседлом типе хозяйства куюсайцев.

Взаимопроникновение культур оазиса и степи отчетливо проявляется и позднее, в V—IV вв. до н. э. Исследования памятников куюсайской культуры поднимают большой круг проблем, среди которых вопросы ее происхождения и судеб, этнической принадлежности ее носителей, в том числе этнической принадлежности участвовавшего в ее формировании южного компонента, связь многообразия форм погребального обряда с социальным положением погребенных или с принадлежностью их к разным этническим группам и ряд других — все они находятся в стадии разработки.

Процесс исторического развития оседлого населения низовий Амударьи был по сравнению с южными районами Средней Азии замедленным. Однако и здесь к середине I тысячелетия до н. э. происходит переход к системе классовых отношений, зарождается государственность. Экономической основой этого процесса явился расцвет ирригационного земледелия, в свою очередь связанный с совершенствованием техники сооружения крупных магистральных каналов, забиравших воду непосредственно из Амударьи в связи с отмиранием древних дельтовых протоков. Среди сохранившихся памятников этого времени — городище Кюзели-гыр на территории Присарыкамышской дельты, исследования которого на протяжении ряда лет вел С. П. Толстов¹⁸ и которые теперь экспедиция продолжила¹⁹.

Сейчас датировка этого памятника VI—V вв. до н. э., устанавливаемая по найденным в слое трехлопастным и трехгранным наконечникам стрел с выступающей или скрытой втулкой, представляется несомненной. При этом не исключено и наличие более раннего периода в его жизни, так как основные полы в ряде жилищ перекрывают более ранние ямы. Удалось установить, что внутренняя площадь городища была застроена отдельными жилыми массивами. Городище было окружено мощными оборонительными стенами (с внутрискотенным коридором) с выступающими полукруглыми башнями с бойницами. Существование здесь развитого ремесленного керамического производства, характер застройки и особенности фортификации позволяют предполагать, что перед нами наиболее ранний из хорезмийских городов, относящийся, по-видимому, к периоду сложения государственности в Хорезме. Возможным подтверждением этого являются начатые раскопками развалины здания, поднятого на кирпичный цоколь, имеющего 1,5-метровую толщину стен с остатками «пиластров», которое в предварительной форме может быть трактовано как дворцовое. Тогда перед нами цитадель, замок правителя, т. е. недостающее звено, которое вкупе с перечисленными фактами может свидетельствовать о наступлении нового периода в истории Хорезма, ознаменовавшегося становлением системы классовых отношений.

В IV в. до н. э.—I в. н. э. Хорезм предстает перед нами как сложившееся государство. К IV—II вв. до н. э. относится система городков-крепостей с мощными оборонительными стенами и сложными предвратными лабиринтами, замыкающих сельскую округу. Они являлись торговыми, ремесленными и культурными центрами. Такими городками были обследованные С. П. Толстовым Джанбас-Кала и Базар-Кала²⁰. На древнем караванном пути, шедшем из Хорезма на юг по левому берегу Амударьи были расположены и другие античные поселения, открытые в основании средневековых городов — Хазарасп, Садвар,

¹⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 77 сл.; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 96.

¹⁹ О. А. Вишневская. Раскопки на городище Кюзели-гыр. АО — 1972, М., 1973, стр. 533, 534.

²⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 113 сл.

Джигербент, город Капарас и культовый центр Елхарас — все они исследованы Хорезмской экспедицией во время охранных археологических работ в зоне затопления Тюямуонского гидроузла²¹.

Исследование античных памятников на территории Южного Приаралья — городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений — дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организации, культуры, религии Хорезмского государства в VI—V вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. Раскопки С. П. Толстовым храма-мавзолея Кой-Крылган-Кала (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), связанного с астральным культом, дали интереснейший материал по истории архитектуры, искусства и религии Хорезма этого времени²². Мировую известность благодаря работам Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова приобрели памятники хорезмийского искусства первых веков нашей эры, открытые при раскопках дворца Топрак-Кала²³.

Комплекс Топрак-Кала — городище, дворец, Северный комплекс, на протяжении 30 лет, с перерывами, является объектом исследований. Раскопки 1946—1950 гг. открыли во дворце Топрак-Кала удивительные по цветовой гамме и разнообразию сюжетов стенные росписи парадных залов дворца, глиняную полнообъемную и барельефную скульптуру, украшавшую эти залы и тематически зависевшую от назначения каждого из них. В те годы, после открытия Айртамского фризса, это были первые образцы великолепного искусства эпохи Кушанов. Но и сейчас, после раскопок ряда других замечательных памятников этого времени, таких, как Халчаян и Дальверзин, Топрак-Кала остается уникальным ансамблем, углубленная работа над которым открывает все новые его стороны, чрезвычайно важные для характеристики культуры Хорезма и всей Средней Азии первых веков н. э. Дополнительные исследования во дворце, проведенные в последние годы²⁴, подтвердили, что он был возведен на цоколе высотой 14,5 м. Наружные стены имели высоту около 7 м, их фасад был обработан системой ниш и пилястров и окрашен в белый цвет. Были найдены алебастровые формы для изготовления барельефов. Вход во дворец вел с востока по лестницам, охватывавшим массив выносной входной башни. Первый этаж содержал более 100 помещений. Просторные и высокие парадные залы и святилища были окружены сравнительно небольшими помещениями, расположенными в два этажа. Нижние комнаты были перекрыты сводами. Центром дворца являлся тронный зал (300 м²), состоявший из парадного двора и айвана, часть которого была отделена трехарочным порталом. Трон царя мог стоять под центральной аркой или в нише позади нее. Вокруг тронного зала группировались парадные залы и святилища. Так, зал «танцующих масок» был святилищем, посвященным культу богини плодородия Наны-Анахиты и двух ее спутников, «зал царей» был святилищем династического культа и т. д. Искусство дворца Топрак-Кала сохранило следы месопотамских традиций (в архитектуре и некоторых барельефных композициях), отражая также приемы эллинистического искусства, часто выступающие в переработанном кушанской культурой виде. По предположению Ю. А. Рапопорта, дворец Топрак-Кала не был жилым, а предназначался для приемов, церемоний и религиозных обрядов, связанных с различными сторонами царского культа.

²¹ М. А. Игина. Основные итоги работ Хорезмской экспедиции в минувшем пятилетии. Сб. «Полевые исследования Института этнографии. 1975». М., 1977.

²² Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. ТХЭ, т. V. М., 1967; Ю. А. Рапопорт. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. Сб. «Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)». М., 1977, стр. 58 сл.

²³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 204 сл.

²⁴ Ю. А. Рапопорт. Раскопки на городище Топрак-кала. АО — 1970, М., 1971, стр. 416, 417.

Дворец стоял в северо-западном углу городища Топрак-Кала (500 × 350 м), вход в город был в южной стене. Центральная меридиональная улица делила его на две половины, каждая из которых делилась сеткой улиц на кварталы (их всего 10). Город²⁵ имел мощную оборонительную стену, первоначально с двухэтажным внутренним коридором и стрельчатыми бойницами, впоследствии коридор стал одноэтажным, а бойницы плоскоперекрытыми, щелевидными. Раскопкам были подвергнуты два квартала, один из них — жилой, другой оказался храмовым. Четыре строительных горизонта, выявленные на городище, охватывают период от II—III до V — начала VI в., причем функциональное назначение кварталов остается на протяжении длительного времени неизменным. Толща культурных напластований в жилом квартале достигает 3,5 м. Нижний, I горизонт, соответствующий времени существования дворца, вскрытый на отдельных участках, хранит следы разрушений и пожара. Наиболее полно исследован II горизонт, где открыт большой многокомнатный комплекс с жилыми комнатами, хозяйственными хранилищами и двумя большими залами с плоской кровлей, опиравшейся на две деревянные колонны, поставленные на кирпичные подставки. Этот комплекс от остальных, входящих в квартал, отделен стеной. Можно полагать, что квартал состоял из трех-четырех домохозяйств подобного типа. Анализ топраккалинских документов, прочтенных С. П. Толстовым и В. А. Лившицем, позволил предположить, что основой каждого домохозяйства был крупный родственный коллектив — большая семья²⁶. Следует подчеркнуть, что топраккалинский хозяйственный архив дал новые доводы в пользу выдвинутой С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме» гипотезы о рабовладельческой структуре хорезмского общества эпохи античности. В результате раскопок жилого квартала появилось много нового для освещения социальной и культурной истории древнего города эпохи поздней античности — раннего средневековья, эпохи, столь важной для истории Средней Азии в целом. Раскопки в храмовом квартале, открытие которого имеет принципиально важное значение для понимания истории города, выявили три разновременных здания, возведенные по одной, традиционной, планировочной схеме. Одно из них состояло из трех обширных сводчатых помещений: в крайнем, западном, в середине западной стены была ниша, а в середине южной — очаг-алтарик. Более позднее храмовое здание, возведенное на развалинах описанного выше, было построено не раньше V в. н. э. и посвящено культу барана, бараньих рогов, пронизывавшему верования Хорезма с древнейших времен на протяжении столетий. В его центральном помещении были найдены рога архара, орнаментированные бронзовыми пластинками со следами позолоты. В числе окружающих предметов — стеклянные бусины, обломки стеклянных сосудов, бронзовые украшения, костяная булава с навершием в виде человеческой головки. Здесь же найдены фрагменты человеческой фигуры из алебаstra, покрытой золотой фольгой или росписью, и др.

В VII—VIII вв. город лежал уже в развалинах и большая часть его площади превратилась в оссуарный некрополь. Обряд оссуарных захоронений, связанный с господством зороастризма в Хорезме, фиксируется еще в V—IV вв. до н. э. и продолжает сохраняться вплоть до арабского завоевания²⁷. Об устойчивом сохранении в Хорезме традиций зороастризма и в мусульманское время свидетельствует находка святилища с антропоморфным очагом на цитадели средневекового городища

²⁵ Руководитель работ на городище Е. Е. Неразик. См.: Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-Кала. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 23 сл.

²⁶ Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. ТХЭ, т. IX, 1976, стр. 214.

²⁷ Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). ТХЭ, т. VI, 1971; А. В. Гудкова. Ток-Кала. Ташкент, 1964.

Джигербент²⁸. Раскопки Хорезмской экспедицией этого памятника и городищ Садвара и Хазараспа, датирующихся IX—XI вв. н. э., серией средневековых караван-сараев этого и более позднего времени, расположенных, как и города, вдоль оживленных торговых путей, связывавших Хорезм с Мервом, Бухарой и более южными областями, дали новые материалы для проблемы генезиса средневекового города, позволили увязать археологические материалы с данными письменных источников и восстановить отдельные стороны экономической и политической жизни средневекового Хорезма. Немаловажно и то, что получены данные о культуре населения Хорезма IX—XI вв., которая для территории Средней Азии в целом была известна главным образом лишь по материалам Афрасиаба²⁹.

Комплексное археолого-этнографическое направление исследований Хорезмской экспедиции, задуманное и осуществленное С. П. Толстовым, открыло, с одной стороны, для этнографов большие возможности ретроспективных исследований проблем этногенеза, типов хозяйства, истории общественного строя, материальной, духовной культуры, семейного быта современных народов Средней Азии; с другой стороны, перед археологами возникла возможность исторических реконструкций и исследования эволюции форм общественной организации и семьи в Хорезме³⁰, древних традиций национальной архитектуры³¹, анализа древних верований с привлечением материалов по современным пережиткам доисламских верований³², изучения древнейших истоков музыкальной культуры Хорезма³³.

Комплексное археолого-геоморфологическое направление работ Хорезмской экспедиции, возможности практического использования результатов которого С. П. Толстов предвидел с самого начала, дали возможность ее коллективу принять посильное участие в работах, связанных с решением народнохозяйственных проблем. Так, в связи с проектом переброса части стока сибирских рек в Аральское море по заданию «Союзводпроект» была подготовлена археолого-геоморфологическая карта низовий Сырдарьи и Амударьи с нанесенными на ней ареалами земель древнего орошения, древней ирригационной сетью и историческими памятниками. Геоморфологические и археологические ее характеристики должны помочь оптимально использовать для нужд земледелия и животноводства земли в зоне действия будущего канала³⁴. Карта-схема древних ирригационных систем Хорезма, создание которой было задумано и осуществлено С. П. Толстовым³⁵, уже давно используется местными ирригаторами при освоении новых территорий: нередко вместо того чтобы рыть новые, они расчищают древние каналы и пускают по ним воду. Сейчас в связи с новым освоением земель древнего орошения Каракалпакии перед Хорезмской экспедицией встают серьезные задачи. Большой опыт работ в этом направлении, являющийся прямым результатом научного предвидения и удивительного чувства нового, которые были присущи С. П. Толстову, позволяет надеяться, что с данными задачами экспедиция справится.

²⁸ О. А. Вишневецкая. Раскопки Джигербента. АО — 1975, М., 1976, стр. 544, 545.

²⁹ Обзор работ на этих памятниках см.: М. А. Итина. Основные итоги работ Хорезмской экспедиции.

³⁰ См., например: Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.

³¹ Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.), стр. 158 сл.

³² Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма.

³³ Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.

³⁴ Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья, их прошлое и перспективы освоения. СЭ, 1974, 5.

³⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, карта-схема, стр. 46, 47; *его же*. По следам древнехорезмийской цивилизации, карта-схема в конце книги; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта, карта-схема в конце книги; см. также: Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья.

LES PROBLEMES DE L'ARCHEOLOGIE DU KHORESME
ET LE 40ème ANNIVERSAIRE DE LA MISSION DU KHORESME

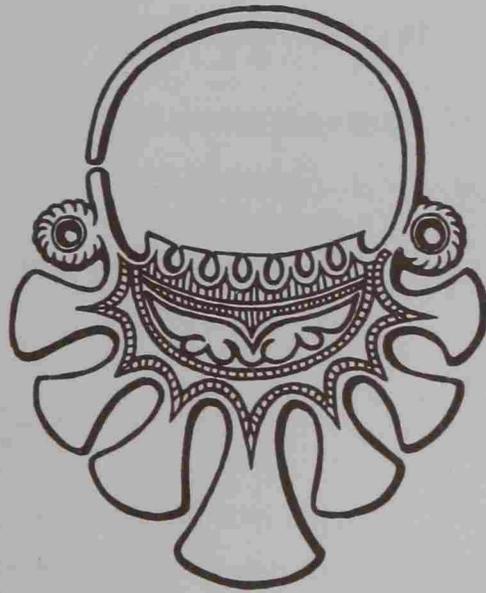
R é s u m é

Les bases sur lesquelles reposent les succès actuels de l'archéologie d'Asie Centrale ont été posées antérieurement, vers le milieu des années 30, lorsque furent organisées les premières expéditions archéologiques, dont la tâche était de découvrir de nouvelles sources de documentation pour établir l'histoire des peuples d'Asie Centrale, l'histoire de leur culture multinationale aux racines plongeant dans la plus haute antiquité. En 1937, Serge Pavlovitch Tolstov fut l'organisateur d'une mission archéologique au Khorèsme, appelée plus tard «Mission complexe archéologo-ethnographique du Khorèsme», dont la tâche, telle qu'elle a été formulée dans son principe par S. P. Tolstov au début de ses travaux, a été mise au point, approfondie et élargie au cours des quarante années d'activité de la mission par S. Tolstov lui-même et ses élèves. Parmi les plus importants problèmes historiques que devait résoudre la mission, et qui avaient été formulés par S. Tolstov, se trouvaient la structure sociale des oasis agricoles d'Asie Centrale; l'histoire des anciens lits de l'Amou-Daria et du Syr-Daria, leur formation et leur peuplement par l'homme, et, s'y rattachant, l'histoire de l'irrigation du Khorèsme; l'histoire des tribus nomades et semi-nomades, leurs rapports avec la population des oasis, leur rôle historique dans la vie économique et culturelle du pays. Le talent de S. P. Tolstov,— tout à la fois savant, organisateur, pédagogue,— a permis de grouper dans la mission du Khorèsme un grand nombre de spécialistes appartenant à diverses branches des sciences archéologique et ethnographique, et la méthode complexe de recherche qu'ils ont élaborée a donné à cette mission la possibilité de contribuer à la solution des problèmes liés à la pratique agricole des populations de cette région.

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1997

4

История науки

М.А. ИТИНА

К 90-ЛЕТИЮ С.П. ТОЛСТОВА И 60-ЛЕТИЮ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Когда-то зав. кафедрой археологии МГУ проф. А.В. Арциховский сказал, что есть археологи счастливые, т.е. удачливые, и несчастливые. Сергея Павловича Толстова можно смело причислить к первым, но этого мало. Он сделал счастливыми нас, всю, как теперь бы сказали, свою команду, которую набрал еще в наши студенческие годы и членов которой всю жизнь друзья и коллеги называют хорезмийцами. Связано это имя с Хорезмской археологической экспедицией, которая начала работы в 1937 г. Ее исследования принесли Сергею Павловичу Толстову, автору и вдохновителю крупнейших открытий на землях древнего Хорезма, мировую славу (рис. 1). Чем привлекал к себе Сергей Павлович молодежь, почему попасть в экспедицию, работавшую в тяжелейших климатических условиях пустынь Кызылкум и Каракум, стремились многие? Основной коллектив экспедиции, проработавший в итоге в ее составе в полевых условиях порядка 40–50 лет, сформировался сразу после Великой Отечественной войны. Нас всех привлек не только авторитет крупного ученого, но и, что не менее важно, судьба счастливо свела нас с крупной неординарной Личностью. Любопытно, что во всех официальных документах С.П. Толстов именовал себя этнографом, востоковедом и в последнюю очередь археологом. Обладая обширными гуманитарными знаниями и, конечно, огромным талантом, Сергей Павлович во всех своих научных проектах широко применял данные естественных наук и привлекал для своих исследований ученых разных специальностей. Он был очень увлеченный человек, романтик, как это ни странно звучит, любил трудности, а последних там, где мы работали, было предостаточно. Когда мы стали работать самостоятельно, то, памятуя прежний опыт, научились их преодолевать, а скорее предотвращать. Но память о пережитом вместе с Сергеем Павловичем украшала нашу молодость.

Сергей Павлович Толстов был не только высокоодаренным ученым, но и превосходным научным организатором – сочетание, которое встречается не так уж часто. Административная деятельность мешала ему целиком отдаваться научной работе, но он находил выход – работал по ночам или ранним утром, о чем с удовольствием нам рассказывал. Но главным увлечением его был Хорезм и полевые исследования.

Древний Хорезм или Южное Приаралье – это аридная зона Средней Азии, территории древних дельт Амударьи и Сырдарьи. Археологические памятники здесь сохраняются не в виде бесформенных развалин – оплывших холмов-тепе, а стоят на современной дневной поверхности, будь то стены крупных городов с мощными укреплениями или маленькие замки. В этом плане регион является уникальным. Все памятники, конечно, несут на себе следы разрушения, что вполне естественно, если учесть фактор времени и то, что выстроены они из сырцового кирпича. Однако и тут нам посчастливилось. Когда впервые попадаешь на "земли древнего орошения" Хорезма, тебя охватывает чувство нереальности того, что видишь. Перед тобой – мощные стены крепостей с предвратными укреплениями; бойницы, как будто бы

направленные на тебя; поверхности, усыпанные битой посудой разных времен; пески окружающей пустыни терракотового цвета; небо, синее, как на картинах Верещагина. Все это можно смело назвать музеем в пустыне, невозможно пройти мимо этой красоты. И не проходили. В отчетах исследователей и офицеров, работавших в Средней Азии в разное время и приходивших туда с разными целями, мы читаем описание увиденных ими памятников архитектуры (Георгиевской Б.М., 1937; Каульбарс А.В., 1881; Кастанье И.А., 1910 и др.). Особенно впечатляют подробные заметки офицеров генштаба времен Хивинских войн конца XIX в. (см., например: Макшеев А.И., 1851; 1856).

Однако просто насладиться увиденным было, конечно, мало. Будучи в довоенный период в Хорезме с задачами этнографического плана, С.П. Толстов по справедливости оценил перспективы археологического исследования этого региона. В 1937 г. он направил туда А.И. Тереножкина (тогда еще аспиранта) в разведочный маршрут, а в последующие предвоенные годы с небольшой группой ездил туда сам на раскопки раннесредневекового замка Тешик-кала, крепости Аяз-Кала и неолитической стоянки Джанбас 4. В пустынях Каракум и Кызылкум было проведено множество исследовательских маршрутов.

С Сергеем Павловичем работы экспедиции начинали такие впоследствии известные ученые, как А.И. Тереножкин, Я.Г. Гулямов, С.А. Ершов, архитекторы В.И. Пялявский, В.А. Лавров, художник Н.П. Толстов и др.

Успешно начатые работы Хорезмской археологической экспедиции прервала Великая Отечественная война, в которой С.П. Толстов участвовал в качестве добровольца, был ранен и демобилизован (Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., 1995). Сразу после окончания войны увлеченность С.П. Толстова и его организаторский талант привели к тому, что наша еще небольшая группа оказалась в Правобережном Хорезме. Это было в августе 1945 г.

Понять движущие силы тех процессов, которые в отдельные периоды истории Хорезмского оазиса приводили к торжеству природы над человеком, к превращению цветущих земель в пустыню, дать периодизацию истории Хорезма, попытаться ответить на вопрос об общественном строе древних хорезмийцев – вот те задачи, которые в начале своего пути поставила перед собой Хорезмская экспедиция, "экспедиция Толстова", как ее до сих пор называют в Средней Азии.

В свете решения этих задач послевоенные работы Хорезмской экспедиции, принятые по инициативе и под руководством С.П. Толстова, приняли большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций нашей страны. Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С.П. Толстов реорганизовывает экспедицию в комплексную археолого-этнографическую (см. Жданко Т.А., 1981). Участие в работах экспедиции помимо археологов и этнографов, геологов, геоморфологов, почвоведов, антропологов, применение в широких масштабах (впервые в мировой практике) аэрометодов (Толстов С.П. и др., 1962) – все это позволило расширить круг проблем, стоящих перед экспедицией, увеличить число возможных аспектов их решения. За годы работы экспедиции на ее базе вырос большой коллектив квалифицированных специалистов, что обеспечило круг исследований в широких тематических, хронологических и территориальных рамках. Успеху в разработке намеченной проблематики помогли и тесные контакты экспедиции с научными силами среднеазиатских республик, среди представителей которых также немало воспитанников Хорезмской экспедиции.

Теперь экспедиция вела раскопки и разведки, охватившие огромную территорию не только собственно Хорезмского оазиса в низовьях Амударьи, но и в низовьях Сырдарьи, в прилегающих к оазисам районах пустынь Кызылкум и Каракум, Центральных Каракумах, Внутренних Кызылкумах и т.д. В плане решения нескольких крупных проблем, поставленных С.П. Толстовым, велись археологические исследования тех или иных памятников. Работы эти производились на севере Средней Азии, в аридной

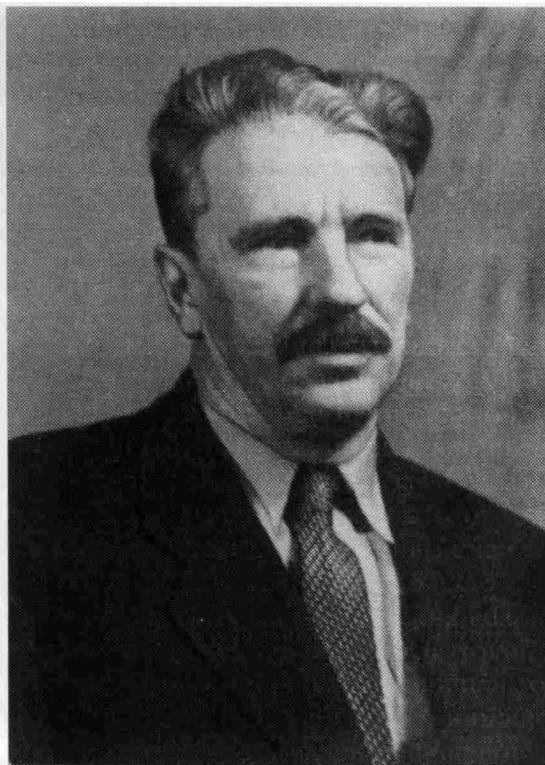

Рис. 1. Портрет С.П. Толстова

зоне, что ставило во главу угла проблему изучения истории древних русел Амударьи и Сырдарьи, истории заселения их ареала человеком и формирования на их водах ирригационных систем, образования земледельческих оазисов, хозяйство которых было основано на искусственном орошении. В то же время большое внимание уделяется истории кочевников и полукочевников, их взаимоотношениям с населением оазисов, исторической роли в экономической и культурной жизни Средней Азии. Очень важный аспект, сквозной для всех исследуемых эпох и основанный на анализе конкретных антропологических материалов, – этногенетический.

Масштабы работ экспедиции, количество и различный профиль подготовки ее сотрудников позволили в иные годы иметь в ее составе до 8 полевых отрядов. Каждый из них исследовал памятник, являющийся в некотором роде ключевым для того или иного периода в истории древнего Хорезма. Но речь идет не только о стационарных работах: параллельно велись маршрутные исследования, охватывающие, как правило, круг разновременных памятников и требующие от руководителя работ широкого научного кругозора и знаний.

Большие и долговременные маршруты велись чаще самим Сергеем Павловичем. Сначала предполагаемый маршрут прорабатывался по крупномасштабной карте и аэрофотоснимкам, после чего совершался полет на небольшом самолете и небольшой высоте для визуального обследования предстоящего пути. И только после этого проводился наземный маршрут, сопровождавшийся сбором подъемного материала, подробной фиксацией памятников, а иногда и разведочными раскопками (рис. 2). В том случае, если на пути машин вставали непроходимые пески, использовались верблюды, но только для транспортировки воды, продуктов и поклажи. Садись на них редко, когда заведомо было известно, что на данном участке пути памятников нет. К тому же скорость верблюда 4 км в час, так что проще было идти пешком, а ходили мы в маршрутах много, по 20–25 км в день. Это было иногда тяжело, но красота, разнообразие и могущество природы, которые мы видели, дорого стоили, и воспоминаний об увиденном хватило нам на всю жизнь. Эти впечатления в экспедиции и были одним из элементов счастливой жизни, прожитой нами благодаря Сергею Павловичу. Нам

Рис. 2. 1949 г. Встреча участников наземного и авиаразведочного маршрутов Хорезмской экспедиции в пустыне Кызылкум

также повезло начать с раскопок дворца хорезмских царей (II в. н.э.) Топрак-калы (Топрак-кала..., 1984). Это величественный трехбашенный замок, стоявший на цоколе, и примыкавший к нему большой город. Парадные залы дворца были украшены глиняной скульптурой, на стены почти всех комнат были нанесены многоцветные росписи. Все это было подлинным открытием (рис. 3). К тому же в одном из помещений обнаружили остатки дворцового архива. Документы были написаны на деревянных дощечках и коже, их расшифровку удалось произвести В.А. Лившицу (Топрак-кала..., 1984, с. 251 и сл.). Среди найденных на Топрак-кале документов особую ценность представляют списки воинов, которых приводили к царской резиденции для переучета главы хорезмийских фамилий ("домов"). Количество рабов-воинов значительно превышало число свободных ополченцев. Это лишь одно из доказательств того, что Хорезм, как утверждал С.П. Толстов, знал рабовладение. Думается, что в начале, будучи еще студентами, мы до конца не понимали всю значимость памятника, который копали. Но впоследствии понимание это пришло, и комплекс Топрак-калы на долгие годы оказался в центре внимания Хорезмской экспедиции. В 1965–1975 гг. раскопки двух городских кварталов вела Е.Е. Неразик (Городище Топрак-Кала..., 1981), Ю.А. Рапопорт продолжил работы во дворце, затем вместе с В.А. Лоховицем он раскопал расположенный близ него и входящий в ансамбль Северный комплекс (Рапопорт Ю.А., 1993, с. 290).

Раскопки Топрак-калы были избраны, как представляется, не только потому, что этот памятник даже еще при визуальном осмотре поражал своими размерами и красотой архитектурного решения, но и потому, что значимость его возрастала в свете тех задач, которые Сергей Павлович поставил перед собой и Хорезмской экспедицией. Они были сформулированы в монографии "Древний Хорезм" (Толстов С.П., 1948а), подводившей итоги его исследований довоенных лет (об этих задачах мы писали выше). Хорезмская экспедиция вела работы и на средневековых памятниках, главным образом ранних (мусульманская эпоха сравнительно полно освещена письменными источниками). Этот цикл исследований возглавила Е.Е. Неразик, труды которой не только сделали достоянием науки целый ряд археологических

Рис. 3. 1950 г. Топрак-кала. Панорама раскопок центральной части Высокого дворца. На первом плане – Зал царей

памятников, но и прояснили некоторые этногенетические проблемы, а также историю жилищ и поселений Средней Азии (Неразик Е.Е., 1966; 1976).

Важно подчеркнуть, что основа предложенной С.П. Толстовым археологической периодизации (Толстов С.П., 1948а) в свете полученных позднее материалов в целом не поколебалась. Главное в том, что мы можем теперь рассматривать историю населения Южного Приаралья, если можно так выразиться, не вширь, а вглубь. Можем также более отчетливо увидеть на археологическом материале сложные исторические процессы, связанные прежде всего со значительными миграционными движениями степняков-скотоводов в зоне древних дельт Амударьи и Сырдарьи с непрестанно меняющимися протоками.

Однако надо иметь в виду, что хорезмская проблематика неизбежно затрагивала проблемы истории Средней Азии в целом, да и не только Средней Азии. Ее рассмотрение выявило отдельные блоки проблем, решение многих из них стало подлинным открытием. Те, кто участвовал в среднеазиатских совещаниях в послевоенные годы, наверное, помнят, что каждый раз в их резолюциях отмечалась неисследованность памятников первобытной культуры в северных областях Средней Азии. Широкий подход к изучению древних дельтовых равнин Амударьи и Сырдарьи с использованием данных аэрофотосъемки, проведение маршрутных работ на Узбое и на протоках древней Акчадарьинской дельты Амударьи привели к открытию памятников эпохи неолита и бронзы в этих регионах (Низовья Амударьи..., 1960). Неолитическая кельтеминарская культура была открыта С.П. Толстовым еще в довоенный период находкой стоянки Джанбас 4 на территории Акчадарьинской дельты Амударьи (Толстов С.П., 1948а, б). Но широкий территориальный охват исследований послевоенного времени (древние дельты Амударьи, Узбой, низовья Сырдарьи, Внутренние Кызылкумы) установил заселенность неолитическими охотниками и рыбаками дельтовых районов, Узбоя и районов бессточных впадин. Племена эти входили в единую кельтеминарскую этнокультурную общность. Исследования в этой области велись А.В. Виноградовым (Виноградов А.В., 1981), причем особый интерес представляет открытая и раскопанная им стоянка, которой было присвоено имя Толстова. Находится она близ стоянки Джанбас 4. Там сохранились остатки сгоревших жилищ

каркасно-столбовой конструкции, лепная посуда, костяные гарпуны для ловли рыбы и микролитическая кремневая пластинчатая индустрия. По-видимому, материалы этой стоянки могут служить своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии.

Трудно переоценить открытие и раскопки неолитического могильника Тумек-Кичиджик в южной части Присарыкамышской дельты Амударьи, предположительно относимого к кругу памятников кельтеминарского типа (Виноградов А.В. и др., 1986), но памятников поздних (вторая половина III тыс. до н.э.). Этот могильник представляет особый интерес, так как он дал краниологический материал, характеризующий антропологический тип населения той эпохи. В нем присутствуют как северный, так и южный компоненты. По заключению Л.Т. Яблонского, северный имеет с восточноевропейским населением единые постмезолитические корни и принадлежит местному коренному населению. Южный, восточномедиземноморский, обязан своим происхождением контактам с населением южных областей Средней Азии. Эти контакты выявляются и археологически – наличием в кельтеминарских комплексах сосудов с поверхностью, окрашенной желтой или красной охрой, а также сосудов с трубчатыми носиками.

Развернувшиеся с начала 1950-х годов комплексные археолого-геоморфологические работы на территории Южной Акчадарьинской дельты сопровождались специальной крупномасштабной аэрофотосъемкой и дешифрированием ее данных на местности. Для обучения правилам ведения такой съемки С.П. Толстов направил на специальные курсы инженера, сотрудника экспедиции Н.И. Игонина. Дешифрированием на местности данных аэрофотосъемки занимался специальный отряд под руководством Б.В. Андрианова. Впоследствии Н.И. Игонин приглашался для ведения аэрофотосъемки различными археологическими экспедициями страны как единственный специалист в этой области. Комплексные работы на Акчадарье привели к выявлению систем расселения человека эпохи бронзы (вторая половина II – начало I тыс. до н.э.) на боковых протоках дельты. Теперь речь шла уже не о подъемном материале (Толстов С.П., 1948б), а об очаге, фактически оазисе, со множеством поселений тазабагъябской культуры, с жилищами в виде полуземлянок с каркасно-столбовыми конструкциями и сохранившимся культурным слоем (Итина М.А., 1977).

Тазабагъябская культура эпохи бронзы была выделена С.П. Толстовым еще в довоенный период (Толстов С.П., 1948а). Тогда же он справедливо увидел в ней черты, в целом сближающие ее со срубной и андроновской культурами. Раскопанные стоянки этот вывод отчетливо подтвердили. Еще одним доводом в пользу этого явился открытый экспедицией в маршруте могильник Кокча 3 (Могильник бронзового века Кокча 3, 1961). Комплекс стоянок и могильника, принадлежавшего этому населению, позволил утверждать, что бронзовый век Южного Приаралья обрел зримые черты и памятники его становятся в ряд культур степной бронзы Евразии.

Но если в своей монографии "Древний Хорезм" С.П. Толстов уделил большое внимание ирригационной сети античного времени, сохранившейся на поверхности до наших дней, привязанным к ней памятникам и истории Средней Азии этого периода, то теперь важнейшим результатом широкомасштабных послевоенных исследований явилось открытие в Правобережном Хорезме очага орошаемого земледелия эпохи бронзы. Ирригационная сеть в виде выделяющихся на поверхности цветом арыков, полей также видна и сейчас. Если этот вид производящего хозяйства, сочетавшегося с пастушеским, а затем, в эпоху поздней бронзы (амирабадская культура), отгонным скотоводством, развивался на местной основе, то возникновению и первичным навыкам его ведения носители тазабагъябской культуры обязаны импульсу с юга.

Во II тыс. до н.э., особенно во второй его половине, в степях Евразии происходят сложные этногенетические процессы, связанные с миграциями подвижных скотоводов – носителей культур степной бронзы. Увеличение поголовья скота, распространение лошади и колесного транспорта, поиски новых пастбищ, рост избыточного продукта и, в связи с этим, возрастающее стремление к обмену, развитие металлургии

бронзы при наличии именно в северном степном регионе источников меди и олова – все это факторы, способствовавшие активизации внутри- и межформационных контактов. Контакты севера с югом, где в это время существуют уже очаги протогородской цивилизации, приобретают актуальный характер, ибо потребность скотоводов в продуктах земледелия и высокоразвитого ремесла южных земледельческих оазисов была важным экономическим стимулом, делавшим их общество менее автаркичным. Эти многоплановые контакты в значительной мере определили и характер этногенетических процессов на юге и севере Средней Азии во II – начале I тыс. до н.э. С одной стороны, этнокультурные связи южных земледельческих областей Средней Азии между собой и с миром цивилизаций Юга Азии, а также северных равнинных областей со степным миром Евразии; с другой – постоянное и все возрастающее влияние передовых южных цивилизаций на северную степную периферию, способствующее росту производительных сил в этих экономически отсталых обществах и постепенному сглаживанию различий в экономике и социальной организации севера и юга.

Культурные связи между населением севера и юга Средней Азии подтверждаются и данными палеоантропологии. Как известно, северное степное население представлено преимущественно протоевропеоидным типом, археологически выраженным андроновской культурной общностью. Но в то же время представители восточносредиземноморской этнической общности, доминирующие на юге Средней Азии, оказали существенное влияние на особенности антропологического облика отдельных этнических групп европейской степи. Так, в частности, восточносредиземноморский тип наряду с протоевропеоидным был зафиксирован в материалах могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 (Могильник бронзового века..., 1961). Правда, можно высказать гипотезу, что он попал сюда в связи со смешанным срубно-андроновским населением евразийской степи, участвовавшим в формировании тазабагыябской культуры, но пока это только гипотеза, а его южное происхождение несомненно (Ходжайов Т.К., 1981; Алексеев В.П. и др., 1986). Эти и многие другие проблемы оказались возможны для рассмотрения в результате исследований экспедиций памятников эпохи неолита и бронзы. Здесь еще следует упомянуть палеогеографические работы, комплексные, проводившиеся на больших площадях и привязанные к древней гидрографии Южного Приаралья (см., например, Низовья Амударьи..., 1960). Они дали возможность рассмотреть особенности хозяйства отдельных регионов уже с эпохи неолита. С другой стороны, на большом фактическом материале удалось выявить процесс перехода в эпоху бронзы от пастушеского способа ведения хозяйства со скотоводческо-(преимущественно)земледельческим хозяйственно-культурным типом к отгонному скотоводству эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н.э.).

Оказалось, что культурные связи Южного Приаралья не исчерпывались связями с Южным Приуральем и югом Средней Азии, но это уже тема, требующая специального рассмотрения.

Возвращаясь к теме археологических удач, нельзя не сказать об открытии Сергеем Павловичем могильника эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н.э.) Северный Тагискен (Толстов С.П. и др., 1963). До раскопок он воспринимался как группа курганов на южном протоке древней Сырдарьинской дельты – Инкардарье (Казахстан), но и здесь нам посчастливилось. Курганы оказались развалинами мавзолеев из сырцового кирпича сложной конструкции – тип погребального памятника, не характерный для Северо-Западного Казахстана, где господствовали курганные погребения. Планировка мавзолеев, их погребальный инвентарь сохранились достаточно хорошо и нашли свое место в публикациях (Итина М.А., 1992). Важно другое. Во-первых, это беспрецедентное открытие, во-вторых, южные связи этого памятника очевидны (сырцовый кирпич, отдельные сосуды, сделанные на круге). В то же время северная степная основа материальной культуры бросается в глаза. Появление такого памятника на севере Средней Азии, безусловно, требует объяснений, но все они пока остаются в сфере гипотез. Насколько археологические открытия нередко являются делом случая, можно

судить по курганному могильнику Южный Тагискен, расположенному южнее Северного Тагискена, на том же плато. При наземном обследовании мы его не обнаружили, насыпи уничтожило время, и лишь после анализа крупномасштабной аэрофотосъемки выяснилось, что нами остался незамеченным большой могильник. Так было положено начало изучению сакских древностей на Сырдарье (Итина М.А., 1992), к тому же в 30 км восточнее Южного Тагискена был открыт еще один сакский могильник Уйгарак (Вишневская О.А., 1973). Изучение сакских древностей велось и в низовьях Амударьи (Вайнберг Б.И., 1979; Яблонский Л.Т., 1996). Эти работы имели значение не только для археологии скифского времени на севере Средней Азии, раскопанные памятники включали этот регион в ареал, охваченный общескифской проблематикой.

Приведем еще один пример случайной археологической удачи. В античное время, в IV в. до н.э. была построена крепость Кой-Крылган-Кала, ставшая объектом интересов С.П. Толстова в 1950-х годах. Это было время нашей молодости, и он практически всех занял на этих раскопках. Крепость эта, круглая в плане, стояла высоко, и было не ясно, то ли на цоколе, то ли была двухэтажной. В ответе на этот вопрос сыграл роль случай. Зачистка небольшой промоины наверху крепости неожиданно вывела на открытый марш лестницы, идущей вниз. Второй ее марш, идущий под углом к первому, был сводчатым. Так был открыт нижний этаж с центральным нефом и выходящими в него помещениями, где были найдены терракоты и многие другие памятники искусства. По расчетам нашего архитектора М.С. Лапирова-Ското, лестниц должно было быть четыре – так оно и оказалось (Кой-Крылган-Кала, 1967). При раскопках Кой-Крылган-Калы и в окрестностях этого памятника были обнаружены пустотелые керамические статуи, служившие вместилищами для костей умерших. Оссуарии разных типов применялись в Хорезме с V в. до н.э. по VIII в. н.э., и это обстоятельство является одним из доказательств длительности существования в этой стране своеобразной формы зороастрийской религии (Рапопорт Ю.А., 1971; 1996).

С тех пор прошло много лет, и наши дальнейшие работы показали, что круглые в плане памятники эпохи античности встречены и в других местах в низовьях Амударьи (Вайнберг Б.И., 1981; 1991, с. 26–34; Vainberg B.I., 1996, с. 67–80; Коляков С.М., 1983; 1984). Они могут иметь какое-то специальное назначение и содержат подчас превосходные произведения искусства (например, Калалы 2, раскопки Б.И. Вайнберг). Следует иметь в виду, что приведенные примеры, казалось бы, случайных находок и открытий отнюдь не должны восприниматься как способ ведения археологических работ вообще и Хорезмской экспедицией в частности. Как уже говорилось, С.П. Толстов имел четкую программу их последовательности, а приятные случайности были обусловлены как раз многоплановостью задуманных им работ и разнообразной методикой при их реализации. Мы уже не раз упоминали о роли аэрофотосъемки в работах экспедиции. С помощью последней Сергей Павлович открыл для науки в низовьях Сырдарьи еще в сороковых годах Джетыясарский оазис второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. (Толстов С.П., 1948б), который впоследствии на много лет стал объектом исследований Л.М. Левиной (Левина Л.М., 1992; 1996).

Нельзя не сказать, что большой размах работ экспедиции был связан с тем, что Сергей Павлович приучил нас, его учеников, к ранней самостоятельности. Он не разрешал нам обращаться к нему с просьбой решить какой-то вопрос, не имея собственной точки зрения по данному поводу. Он мог с ней согласиться или не согласиться, но чаще всего мы приходили с ним к общему мнению. Такая тактика дала возможность иметь в экспедиции несколько отрядов, руководимых специалистами того или иного профиля. С другой стороны, когда Сергей Павлович заболел и вынужден был отойти от дел, мы сумели продолжить задуманную им программу. Однако большой размах работ экспедиции был, конечно, связан с ее финансированием и не только бюджетным. Сергей Павлович мечтал о новом возрождении для нужд народного хозяйства земель древнего орошения аллювиальных дельтовых равнин Амударьи и Сырдарьи. Здесь проявился его талант научного организатора, ибо участие в этих

проектах, а они начали разрабатываться на разной ведомственной основе уже в 1950-е годы, давало возможность вести большие хозяйственные работы, что значительно увеличивало смету экспедиции. И когда возник проект переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию, нас пригласили в нем участвовать. Нашей задачей было составить историческую карту будущей трассы канала и нанести на нее археологические памятники, которые впоследствии могли быть затронуты земляными работами и подтоплениями.

Во главе проекта стоял в прошлом инженер-ирригатор И.А. Герарди, работавший до войны в Средней Азии, ныне покойный. По его плану вода после использования ее на орошение должна была сбрасываться в Арал по древним руслам Сырдарьи. Справедливости ради надо сказать, что у специалистов, с самого начала выступавших на конференциях и в публикациях, уверенности в успехе проекта и ненанесении при его осуществлении вреда природе не было. А пока все это обсуждалось, воды Сырдарьи и Амударьи интенсивно разбирались на орошение, Арал усыхал и соленую пыль северо-восточными ветрами несло на вновь осваиваемые земли Хорезма. И мы, и Институт географии АН СССР били тревогу. Институт географии вел соответствующие полевые исследования, но все оставалось без внимания. А когда положение Арала стало критическим и экология региона была нарушена, все забило тревогу. И тогда пошла серия публикаций и конференций, в том числе международных, посвященных спасению Арала! Но, грубо выражаясь, поезд давно ушел и процесс уже необратим. Нам хотелось вспомнить историю вопроса, так как мы были в курсе дел с самого начала и работали с настоящим профессионалом, широко образованным и увлеченным человеком И.А. Герарди. А карту (и не одну) мы составили на основе широкомасштабных исследований на хозяйственные деньги. Новое хозяйственное освоение дельтовых равнин, о котором мечтал Сергей Павлович, не во всем могло быть реализовано, тем не менее многое удалось сделать, особенно в связи с последовательным изучением древней гидрографии.

Мы коснулись лишь некоторых аспектов в работе Хорезмской экспедиции. Важно подчеркнуть, что ее исследованиями была охвачена огромная территория севера Средней Азии, ныне подчас превратившаяся в пустыню, прослежены процессы превращения некогда плодородных земель оазисов в пустынные. Очень много внимания было уделено хозяйственно-культурным контактам степных северных областей с югом Средней Азии, обозначены историко-культурные и хозяйственные регионы той огромной территории, которую мы сейчас называем Хорезмом или Южным Приаралем. Были выявлены культурные связи ее населения с евразийским миром и Передней Азией, этнокультурные процессы, проходившие на этой территории в разное время. Можно было бы назвать еще не одну проблему, решавшуюся экспедицией в процессе исследований, вдохновенных талантом, знаниями, увлеченностью Сергея Павловича Толстова. Однако вряд ли в этом есть смысл, поскольку множество опубликованных обзорных статей дают их полный перечень. Кроме того, помимо отдельных изданий экспедицией опубликовано 16 томов "Трудов" и 8 выпусков "Материалов". Сергей Павлович как бы подвел итог непосредственно руководимых им исследований в своей монографии "По древним дельтам Окса и Яксарта" (1962). После его смерти мы, ученики С.П. Толстова, в меру своих сил продолжили его дело.

Сергей Павлович создал наш коллектив, коллектив единомышленников, главным членом которого был он сам. Он заразил нас увлеченностью и любовью к Хорезму, которая не оставит нас до конца наших дней. А поначалу мы его "боялись", как "боятся дети родителей", не смели перечить. Смущали и жесткая дисциплина, и порядок, которые он ввел. В 5.30 утра надо было перед работой есть горячий завтрак с мясом, который буквально не лез в глотку. Когда объявлялся выход на работу, он стоял с часами (это было на Топрак-Кале) и, если кто-то опаздывал хоть на 5 минут, дежурный объявлял, что из-за опоздания такого-то мы все будем кончать работу на 5 минут позже, а в условиях сильной жары это было весьма чувствительно. Эти и некоторые другие строгости заставляли нас в тайниках своей души иногда считать его

деспотом. Но когда мы стали работать самостоятельно, мы стали делать все то же самое, так как руководить работой коллектива разных людей в условиях пустыни можно только при жесткой организованности и единоначалии. А ему с самого начала хотелось с нами общаться, а нам, по молодости, хотелось погулять. Шло время, мы делались старше и росло взаимопонимание. Мы научились спорить, если были несогласны с тем или иным его решением и, как правило, он с нами считался. Здесь надо сказать, что Сергей Павлович обладал удивительной научной интуицией, основанной, конечно, на таланте, знаниях и опыте. Простое человеческое общение с ним открыло для нас возможность общения с Личностью. Долгие разговоры после ужина в палатке или в маршруте у костра касались не только научных предметов. Сергей Павлович хорошо знал русскую литературу, очень любил поэзию. Он всегда просил, чтобы ему заказали прочесть из того или иного автора, и не было случая, чтобы он не мог этого сделать. А стихи он читал замечательно, очень проникновенно и без всякой аффектации. Нас с ним с течением времени связало многое, но прежде всего Хорезм. В его последний полевой сезон, на Тагискене, мы все по какому-то поводу с ним поспорили. А он не стал нам возражать и только сказал: "Плохо вам будет без меня". Нам действительно плохо без него, хотя его нет с нами уже более тридцати лет. Но для нас слово "был" с ним не совместимо, он для нас всегда "есть".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Кияткина Т.П., Ходжайов Т.К., 1986.* Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы // Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент.
- Вайнберг Б.И., 1979.* Памятники Куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭ. Т. XI. М.
- Вайнберг Б.И., 1981.* Поселение Гяур 3 // АО – 1980. М.
- Вайнберг Б.И., 1991.* Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Т. I. М.
- Виноградов А.В., 1981.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. М.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986.* Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.
- Вишневская О.А., 1973.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.
- Георгиевский Б.М., 1937.* Южный Хорезм. Геологические и гидрологические исследования 1925–1935 гг. Ташкент.
- Городище Топрак-Кала (раскопки 1965–1975 гг.), 1981. М.
- Жданко Т.А., 1981.* Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., 1995.* Годы войны в жизни С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. № 2.
- Итина М.А., 1977.* История степных племен Южного Приаралья. М.
- Итина М.А., 1992.* Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Кастанье И.А., 1910.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края // ТОУАК. Вып. XXII. Оренбург.
- Каульбарс А.В., 1881.* Низовья Аму-Дарьи. СПб.
- Кой-Крылган-Кала, 1967* // ТХЭ. Т. V. М.
- Коляков С.М., 1983.* Раскопки на поселении Гяур 3 // АО–1982. М.
- Коляков С.М., 1984.* Раскопки на поселении Гяур 3 // АО–1983. М.
- Левина Л.М., 1992.* Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Левина Л.М., 1996.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Макишеев А.И., 1851.* Описание Аральского моря // Записки РГО. Кн. V. СПб.
- Макишеев А.И., 1856.* Описание низовьев Сырдарьи. СПб.

- Могильник бронзового века Кокча 3, 1961. М.
- Неразик Е.Е.*, 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Неразик Е.Е.*, 1976. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.
- Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком, 1960 // МХЭ. Вып. 3. М.
- Рапопорт Ю.А.*, 1971. Из истории религии древнего Хорезма. М.
- Рапопорт Ю.А.*, 1993. Загородные дворцы и храмы Топрак-Калы // ВДИ. № 4.
- Рапопорт Ю.А.*, 1996. Религия древнего Хорезма. Некоторые итоги исследований // Этнографическое обозрение. № 6.
- Толстов С.П.*, 1948а. Древний Хорезм. М.
- Толстов С.П.*, 1948б. По следам древнехорезмской цивилизации. М.
- Толстов С.П.*, *Андреанов Б.В.*, *Игонин Н.И.*, 1962. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. № 1.
- Толстов С.П.*, *Жданко Т.А.*, *Итина М.А.*, 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. М.
- Топрак-кала. Дворец // ТХЭ. Т. XIV. М.
- Ходжайов Т.К.*, 1981. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Яблонский Л.Т.*, 1996. Саки Южного Приаралья (Археология и антропология могильников). М.
- Vainberg B.I.*, 1996. The Kalali-gir 2 – ritual centre in ancient Khwarazm // Bull. Asian Institute. V. VIII. Blumfield Hills. Michigan (The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the former Soviet Union).

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва